

Думай о белой обезьяне

Когда я вошёл в кухню, мама варила кофе, и её напряжение ощущалось так же сильно, как горелый кофейный запах.

— Лёша, сегодня в школе вас будут проверять на телепатию. С восьмого класса проверки каждый год. Давай договоримся, что ты будешь думать о белой обезьяне, — сказала мама тем уверенным голосом, каким всегда давала указания. Но слова закончились, и мне стало слышно, как у неё внутри гудит беспокойство.

«Заболею! — решил я. — Уже заболел». Мне и правда стало не по себе от её тревоги. Мысли мама не читала. Я сказал вслух:

— Напиши заявление, что я иду к врачу.

— Тогда сделают отдельную проверку. Нет, тебе нужно пройти, когда целый класс прогоняют, как на конвейере.

Её волнение натягивалось и неприятно тянуло в животе у меня самого. Явно что-то было не так с этим белым животным.

— Что за белая обезьяна? — спросил я.

— Это присказка такая. Но ты по-настоящему о ней думай.

— По-настоящему думать о том, чего не бывает?

— Придумай её! И потом, есть же обезьяны-альбиносы!

— Так если все телепаты думают про белых обезьян во время проверок, то там увидят белую обезьяну у меня в мыслях и сразу всё поймут. Это как написать на лбу, что я телепат!

— Это самый верный способ пройти проверку, — сказала мама. — Мы вчера с тётёй Люсей говорили, у её знакомой внук-телепат в одиннадцатый перешёл. Запомнил? Белая обезьяна. Всё будет хорошо!

Поцелуй, которым она проводила меня из дома, дрожал. По дороге в ушах звучали мамины слова, сказанные решительным тоном, который не мог ничего от меня скрыть. Потому я и не люблю ощущать чужие эмоции — заражаться ими, бр-р-р.

Я решил на проверке думать о том, что мне эта телепатия ни зачем не сдалась. Если там узнают, что я не использую свою способность, то могут оставить в покое. Я же не просил родиться телепатом!

Для проверки нас сняли с физры и согнали к актовому залу. Заходить надо было по одному. Очередь переговаривалась тихо, но весело. От всех фонило духом

приключения. Беспокоилась только одноклассница передо мной, но она вообще дёрганая. Когда я раньше пытался заглянуть в чьи-то мысли и попадал на неё, всякий раз она чего-нибудь боялась.

— Кого-то из «ашек» поймали.

— Да ну? Столько лет рядом...

— Во-во, и всё это время он у нас мысли читал. Жаль, что их не с первого класса выявляют.

— И что теперь?

— Ну, здесь он учиться точно не будет. Прямо со школы забрали. В спецприёмник или не знаю, куда их там помещают.

Из актового зала вышел первый по алфавиту, Антипин. От него несло довольством. Он принялся рассказывать:

— Они просто сидят. Как будто ты перед ними выступаешь. А я ж не знаю, чего мне, петь, танцевать. Я им: «Что мне сделать?» Они молчат с таким видом типа: «Все указания получите у себя в башке». А у меня там пусто! Ну и типа пошёл отсюда!

Это никак не помогло. О чём думать перед комиссией? Неужели о белой обезьяне?

С каждым продвижением очереди мне делалось всё тошнее. Я читал выходящих:

«И всё?»

«У нас заберут кого?»

«Хоть бы Санька забрали, хоть бы прочитали, спецом думала, он телепат...»

«Ну всё, в буфет!»

И вдруг:

«Смотрят реакцию. Думать о белой обезьяне. Не реагировать. Смотрят реакцию. Не показывать. Думать о белой обезьяне».

Выходившая из зала Дина не просто размышляла — твердила эти слова про себя. Либо её заклинило, либо... она думала не для себя, а для тех, кто в коридоре мог прочесть ее мысли. Она передавала послание! Читать мысли я начал в позапрошлом году и ни разу ни с кем не общался телепатически. Я считал, что это прикольная и опасная способность для моей личной выгоды. Мне в голову не приходило подуматься в чью-то сторону: «Привет». Нет, я, конечно, ощущал Динины страхи, как и обиды и восторги других одноклассников, но что мне с ними было делать? Ответы на дэ-зэ в головах наших отличников тогда казались мне гораздо полезнее, а Дина училась средне, как и я. Надо

было мне раньше обратить внимание на её страх! И она тоже была не в курсе про меня, иначе сейчас бы прямо ко мне обратилась. Надо же, Дина. Михайлина. А я — Михайлов. Я открыл дверь актового зала и шагнул внутрь.

На стульях сидели мужики в тёмных костюмах и тётки — в разноцветных. У одной были бумаги и ручка.

— Фамилия?

— Михайлов.

От комиссии не исходило никаких эмоций. Ближайший мужик с большой нижней губой думал со скучающим видом:

«Тебя в специнтернат, родителей в тюрьму...»

Сразу поняли?! Я заставил руки висеть вдоль тела, а ладони не сжиматься в кулаки. Но вроде никто не заметил.

Тётка в красном костюме равнодушно думала:

«Во всём виновата твоя мать, воспитала телепата...»

Пальцы аж свело оттого, что я держал их прямо. Но вроде никто не заинтересовался ни пальцами, ни мной.

Следующий за тёткой мужик с залысынами спокойно крутил в голове:

«Прощайся с друзьями, ты их больше не увидишь...»

Я нашёл лицо, больше всего похожее на обезьянье, уставился на него и стал изо всех сил думать: «Белая обезьяна, это такой вид обезьяны, такой особый вид обезьяны, не похожий на других обезьян, шерсть у нее белая, глаза у неё белые, нос у нее белый, брови у неё белые...» — стараясь перечислить всё и не сбиться.

— Иди, пусть заходит следующий.

Пот стекал под рубашкой и противно щекотал кожу. Уже всё? Или результат будет потом? А этот бедный «ашка», как он отреагировал на их мысли — стал плакать, просить?

Классная поторопила:

— Прошёл проверку — спускайся в столовую.

Очередь перед актовым залом осталась такой же расслабленной, но стала гораздо меньше. Дину, видно, тоже выгнали из коридора. Теперь она стояла у перил лестничной площадки. Я подошёл и ощутил Динино непривычное спокойствие: она рассматривала противоположную стену, как красивую панораму в туристическом месте. Я встал рядом полюбоваться видом. И мысленно спросил:

«Знала, что в комиссии не телепаты? Что не читают мысли?»

«Никто из них не читает. — Дина думала, старательно проговаривая про себя слова. — Для телепатии нужна эмпатия. У них нет. Они способны только преследовать. Сочувствовать неспособны».